

Н. М. Бурик**Образ священника на страницах газет Барнаула накануне
Первой мировой войны и в первое десятилетие советской власти**

Духовенство как корпоративное объединение не раз становилось объектом изучения историков. В монографии А.В. Литягиной¹ подчеркнут высокий статус церкви в государстве, который сохранялся до революции 1917 г. Р.В. Мезенцев выделил и проанализировал три этапа советской государственной политики по отношению к церкви: 1917–1921 гг. – этап бессистемного преследования духовенства; 1922–1928 гг. – организованные антирелигиозные акции; 1929–1940 гг. – целенаправленный разгром религиозной жизни в СССР². М.Л. Белоглазов, напротив, пришел к выводу, что, несмотря на ряд конфликтов между церковью и государственной властью, их взаимоотношения не переходили в непримиримо враждебные³. В.Ф. Гришаев составил список пострадавших священников Алтая в годы советской политики, восстановил по архивным данным биографии некоторых из них⁴.

Историографический материал по данной проблематике обширен, однако комплексное исследование образа священника первой трети XX в., сформировавшегося на страницах региональной прессы, отсутствует. Необходимо рассмотреть трансформацию данного образа для дополнения и переосмысления уже изученных исторических сюжетов.

Формирование дореволюционной прессы Алтая происходило, прежде всего, в крупнейших городах региона, Барнауле и Бийске. За весь дореволюционный период здесь выходило около 14 газет, не считая нелегальных большевистских изданий⁵. Большинство газет Алтая издавались от нескольких месяцев до двух – трех лет. Это объяснялось нехваткой финансов, журналистских кадров, небольшим числом подписчиков. Ежедневная общественно-политическая и литературная газета «Жизнь Алтая», выходившая в Барнауле в 1911–1919 гг., являлась самой крупной и авторитетной на Алтае в эти годы. Газета имела либерально-демократическую направленность, учитывала интересы разных слоев населения. В числе

Бурик Наталья Михайловна, учитель истории, Алтайский краевой педагогический лицей.
Эл. почта: nata-altai@rambler.ru

¹ Литягина А.В. Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010.

² Мезенцев Р.В. Взаимоотношения органов государственной власти православной церкви на Алтае в 1917–1940 гг. // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории Государства Российского. Бийск, 2006. С. 184–187.

³ Белоглазов М.Л. Взаимоотношения органов государственной власти и православной церкви на Алтае (октябрь 1917 – 1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992.

⁴ Гришаев В.Ф. Невинно убиенные. К истории сталинских репрессий православного духовенства на Алтае. Барнаул, 2004.

⁵ Мансурова В.Д. История алтайской журналистики. Барнаул: АлтГПА. Режим доступа: <http://infohome-altai.ru/node/144>, (февраль 2011).

сотрудников были кадеты, эсеры, социал-демократы¹. До 1919 г. просуществовала бийская газета «Алтай», выходившая с 1911 г.

В первой половине 1920-х годов газет издавалось значительно больше. В Барнауле вышло 18 различных изданий, в Змеиногорске – 10, в Камне – 21, в Бийске – 24. Однако периодическая печать становилась главным проводником государственной политики и первостепенным средством утверждения партийной идеологии. После 1925 г. сеть газет на Алтае резко сократилась из-за кризиса в полиграфической промышленности, вызванного советскими преобразованиями. Так, в 1928 г. в Барнауле печатался лишь «Красный Алтай», в Бийске – «Звезда Алтая» и «Алтайская деревня», в Камне – «Наша деревня», в Рубцовске – «Степной пахарь», в Славгороде – «Степная правда»².

Изучение публикаций региональных газет позволило выявить наличие двух противоположных образов священников, формировавшихся в общественном мнении дореволюционного Алтая. Официальный термин «священник» использовался в статьях о духовенстве на страницах дореволюционной прессы от одного до трех раз. Помимо данного термина фигурируют синонимичные слова. В каждой статье до семи раз встречается слово «отец» или «отец духовный», часто священнослужителя называли «батюшкой». В редких случаях авторы использовали такие термины как «миссионер» и «поп».

Один образ дореволюционного священника, формировавшийся на страницах газет, представляет собой совокупность отрицательных черт, ведущими из которых изображались жадность и корысть. По свидетельству авторов газетных статей, священнослужители открыто занимались денежным вымогательством, расходовали церковные деньги на собственные нужды, заключали невыгодные для прихожан сделки. Например, священник села Касмалинского Барнаульского уезда С. Иоанн своей «чуждодейственной силой изгонял из женщин бесов», получая за данный обряд четыре рубля с каждой прихожанки³. Другими составляющими отрицательного образа дореволюционного священника были такие качества как жестокость, стремление к власти и подчинению⁴. Отрицательный образ священников дополнялся изображением их вредных пристрастий – в основном, распития спиртных напитков и курения табака⁵.

Противоположный образ дореволюционного священника, выявленный в прессе Алтая, свидетельствует о положительных качествах сельских и городских священнослужителей. Однако он, в основном, представлен в некрологах общественно-политических газет. В селе Шипуновское Барнаульского уезда зарекомендовал себя с хорошей стороны отец Илья Попов. Его главной заслугой было оборудование Народной библиотеки, открытой им при поддержке известного мецената и поборника просвещения П.И. Макушина⁶.

¹ Яковлева Н.А. «Жизнь Алтая» // Энциклопедия. Барнаул. Барнаул, 2000. С. 113.

² Мансурова В.Д. История алтайской журналистики.

³ Сибирский Илиодор // Алтайская газета. 1911. № 3.

⁴ Пастырь добрый // Жизнь Алтая. 1913. № 59.

⁵ О просветителях // Там же. 1911. № 240.

⁶ Утрата // Там же. 1914. № 202.

Итак, конструирование отрицательного образа священника в дореволюционный период происходило на основе многочисленных газетных статей, которые обличали пороки духовенства: жадность, властность, корысть, себялюбие, антигуманное отношение к людям, вредные привычки. Однако Российская империя представляла собой государство с сильными духовными православными традициями, поэтому на страницах прессы встречались и положительные оценки отдельных священников.

С установлением советской власти религию стала вытеснять государственная идеология. Антирелигиозная политика, по мнению многих историков, стала руководящим курсом советского правительства по отношению к обществу и церкви¹. Не сумев ликвидировать церковь и религию в ходе первой атаки в 1918–1920 гг., большевики предприняли очередную попытку разгрома идеологического и политического противника после окончания Гражданской войны.

Большевики использовали периодическую печать как одно из важнейших и действенных средств антирелигиозной пропаганды. Нами был выделен синонимичный ряд терминов, обозначающих священника на страницах прессы 1920-х годов. Чаще всего в публикациях использовали слово «поп». Только в нескольких статьях фигурирует термин «священник». Иногда его сравнивали с «ловким торговцем», жуликом². Также применяли неординарные термины для обозначения священнослужителя – «двуногая щука», «алчное животное»³, «христолюбец»⁴ и т. п.

Таким образом, из сопоставления синонимичных рядов терминов, относящихся к образу священника дореволюционного периода и 1920-х годов, следует, что на протяжении двадцати лет происходило формирование негативных представлений о данной социальной группе. Однако определяющими терминами в дореволюционный период были «священник», «батюшка», в редких случаях «поп», отсутствовала оскорбительная лексика, в публикациях указывалось имя священнослужителя. В 1920-е годы личные данные священника назывались редко, преобладающим термином был «поп», использовались бранные слова.

Необходимо выделить основные черты, конструировавшие образ священника 1920-х годов. Во-первых, авторы статей пытались продемонстрировать двуличие: «С виду смиренный такой, просто свечка. Однако в непродолжительном времени у попа начала обнаруживаться волчья суть»⁵. В данном тексте применена антитеза, усиливающая эффект воздействия отрицательной информации на читателей.

Во-вторых, на страницах газет 1920-х годов священников приравнивали к колдунам, шаманам, народным целителям, разрушая представления о церкви и православной вере, как о святом, неприкосновенном, идеальном. В статье «Холера» подчеркивалось, что «поп, пользуясь народной темнотой, устроил свое заклинание

¹ См. напр.: *Гришаев В.Ф.* Невинно убиенные... С. 7; *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. С. 215.

² *Распространяющий зловоние* // Красный Алтай. 1923. № 147.

³ *Теплая компания* // Там же. 1921. № 117.

⁴ *Последнюю овцу отбирает* // Там же. 1922. № 142.

⁵ *Все попы* – на одну статью // Там же. 1921. № 287.

эпидемии; вместе с гражданами села взял иконы и стал обходить деревню со своими молитвами»¹. В пос. Таловском долго не было дождя, и сельчане решили обратиться за помощью к священнику. Перед обрядом его угостили сытым обедом и самогонкой, а после прочтения молитв, которые не привели к появлению дождя, священник, получив пять пудов хлеба и пятьсот яиц, уехал².

В-третьих, в 1920-е годы священников обвиняли в вымогательстве. Священник Данилов из с. Фунтики Барнаульского уезда собирал с прихожан налог. «Каждый участок приходского района должен предоставлять попу по одному пуду хлеба»³. Данная черта была характерна и для образа дореволюционного священника.

В-четвертых, в 1920-е годы на страницах газет священников уличали в пьянстве и сквернословии⁴. Стоит отметить, что данная черта свойственна и для образа дореволюционного батюшки. Однако если в дореволюционный период пьянство рассматривалось в качестве вредной привычки, как таковой, то для 1920-х годов оно служит поводом для сомнения в религиозных ценностях.

Итак, образ священника в 1920-е годы имел яркую негативную окраску, даже образ кулака в этот период не конструировался столь категорично. Священники были представлены в качестве отрицательных элементов, разлагающих моральные и этические нормы общества.

Отдельно необходимо рассмотреть взаимоотношение священников с властью, так как данный аспект поможет раскрыть анализируемый образ в контексте политических событий того времени. Священников обвиняли в сотрудничестве с кулаками, которые также подвергались осуждению в 1920-е годы. Подтверждением этому могут служить, названия статей, опубликованных в «Красном Алтае»: «Поп и кулак – заправила села»⁵, «Паучий союз»⁶ и др. Пропаганда большевиков однозначно разделяла социальные группы на «свои» и «чуждые» элементы общества. Священников обвиняли в агитации против советской власти и неисполнении установленных требований. Священник Ляхов Ксенофонт в своей проповеди агитировал верующих не вступать в коммуны. А сторонникам правительственного режима он угрожал запретить посещать церковь, крестить детей, производить какие-либо религиозные обряды. Однако отметим, что его агитация не имела результатов⁷.

Громкую огласку в прессе получил процесс в 1921 г. над «церковниками» в Барнауле. Публиковалось слушание дела по обвинению настоятеля Богордской церкви Домиена, церковного старосты Дубинина, псаломщика Торопова и бывшего настоятеля Понковой церкви Казанцева. Всех их обвиняли в сокрытии церковных

¹ *Холера* // Там же. 1921. № 183.

² *Молились, молились и ничего не добились* // Там же. 1923. № 163.

³ *Все попы – на одну статью* // Там же. 1921. № 287.

⁴ *Пьяный поп* // Там же. 1923. № 101.

⁵ *Поп и кулаки – заправители села* // Там же. 1929. № 154.

⁶ *Паучий союз* // Там же. 1923. № 230.

⁷ *Поповская агитация не удалась* // Там же. 1930. № 36.

ценностей и контрреволюционной деятельности¹. Цель этой публикации заключалась в дискредитации священнослужителей в глазах общества².

Часто в прессе 1920-х годов подчеркивался момент бесполезности церковных обрядов. Символ истинной веры – православный крест, менялся на звезду³. Также в статьях писали, что люди стали игнорировать церковные службы⁴. В газетных статьях можно проследить навязанные и преждевременные выводы сторонников большевистской власти по отношению к церкви и священникам. В публикации «Поповщина отмирает» говорится: «Отмирает поповщина и вместе с ней опиум народа – религия»⁵. Так, красноармеец Трушин отзывался о церкви: «Я подумал и понял, а потом и совсем убедился в том, что религия губит людей. Никакого Бога я сейчас не признаю». В статье объясняется, что повлияло на такое отношение к религии: «Зерна политвоспитания дали свои ростки»⁶. Но идеологический перелом православного сознания крестьянства не мог свершиться в одночасье.

Итак, образы священника, конструировавшиеся в алтайской прессе до революции и в 1920-е годы, были различны. Накануне Первой мировой войны образ священнослужителя был неоднозначен: «священник-казнокрад» – «священник-благотель». Эта социальная группа представлялась неотъемлемым, структурообразующим элементом общества. Без него могло нарушиться мировоззрение православного русского человека, жизнь которого начиналась с церковного обряда крещения и заканчивалась отпеванием. В 1920-е годы образ священника однозначно конструировался в качестве чуждого социального элемента, враждебного советскому строю, а вера позиционировалась как «опиум для народа».

¹ Гришаев В.Ф. Невинно убиенные... С. 50.

² К процессу церковников // Красный Алтай. 1921. № 190.

³ Без попа и ладана // Молодежь Алтая. 1924. № 15.

⁴ Не везет // Красный Алтай. 1921. № 137.

⁵ Поповщина отмирает // Там же. 1923. № 101.

⁶ Баптист отказался от Бога // Там же. 1929. № 148.